

КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМОЕ МОЛЧАНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. НАБОКОВА

Михальчук Наталья Александровна

старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

В русском языке молчание рассматривается как отсутствие речевой деятельности: «ничего не говорить, не издавать звуков голосом», «не нарушать тишины, не производить звуков», «не высказывать жалоб, не протестовать, молча сносить что-либо» [1].

Обычно, «...молчание расценивается как отступление от естественной для человека, наделенного даром речи, речевой практики: дар речи не предназначен для хранения в туне. Только конец жизни оправдывает молчание: Об ушедших из жизни говорят, что они навеки умолкли (замолчали). Речь ассоциируется с жизнью, молчание – со смертью» [2, с. 114].

Как всякое ненормативное явление, молчание подлежит оценке. Оценка основывается на прагматическом критерии.

В обычной практике молчанию дается отрицательная этическая оценка – стыдно, подло, некрасиво, безразвратно молчать. Однако в русской коммуникативной культуре прослеживается традиция высокой оценки молчания в произведениях русского фольклора: «Слово – серебро, молчание – золото; Кто молчит, тот двух научит; Кстаги помолчать – что большое слово сказать; Доброе молчание чем не ответ? «Этот факт отражает потребность в молчании на фоне традиционно высокой коммуникативной активности русского человека» [3, с. 10].

Русская пословица **Слово – серебро, а молчание – золото** имеет свой вариант: слово – серебро, а молчание – олово. Возможно, причина этого в том,

что в России в XIX в., при наличии своего золота и серебра, олово привозили из других стран, что делало его редким и дорогим металлом. Поэтому олово вошло в один из вариантов поговорки в качестве метафоры наравне с серебром.

Но не всегда фольклор запечатлел положительную оценку молчанию, есть и противоположные примеры: Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой, – скажут в России, имея в виду то, что в тихом омуте черти водятся, что молчание не всегда золото, говорится во фразеологизмах: золотые слова, доброе слово дороже золота, молчаньем прав не будешь, молчать, так и дела не кончать, говорить – беда, а молчать – другая.

Кальку с латинского изречения **молчание – знак согласия**, которое встречается еще у древнегреческого драматурга Софокла, ни русские, ни испанцы (исп. *el gue calla otorga*) не склонны рассматривать как аксиому, создав фразеологическое единство противоположного содержания: молчание не есть согласие и *el gue calla no dice nada* (буквально «молчание не означает ничего»). У А. С. Пушкина в поэме «Борис Годунов» за словами **народ безмолвствует** угадывается недовольство и скрытая угроза.

Особенно неодобрительную коннотацию, имеющую оттенок презрения, содержат фразеологические единства, крылатые слова и прецедентные тексты о молчании как символе трусости и приспособленчества: А молчалиники вышли в начальники (А. Галич), Молчалиных тихоньствующих сонм (Е. Евтушенко). У таких людей, по выражению, встречающемуся еще в Библии (Пс. 21: 16), язык прилипаёт к гортани... от страха, как бы чего не вышло... Такие люди предусмотрительно **набирают в рот воды** даже тогда, когда молчать нельзя... [4, с. 201–202].

Молчание – знак согласия – одна из самых известных русских поговорок. В связи с этим в русском сознании существует стереотип, что молчание выполняет функцию выражения согласия, то есть слово «да». В определенных коммуникативных ситуациях так и есть. Но молчание – единица многозначная. Она вбирает в себя различные семантические компоненты, связанные с отсутствием речевой деятельности. Н. Д. Арутюнова считает, что «молчание есть знак самоустранения, а не согласия, и это особенно хорошо видно в социальной коммуникации» [2, с. 110]. С. В. Миликян утверждает, что «молчание в русском общении – это не согласие, а скорее разногласие» [3, с. 10].

В художественных произведениях В. Набокова весьма частотна коммуникативная ситуация молчания, многозначная и разнофункциональная, различная по степени конвенциональности. Наиболее нормирован диалог.

Особое место в произведениях В. Набокова занимает **преднамеренное молчание** («не рассказывать»; «ничего не говорить»; «хранить в тайне»).

Семантическая палитра этого явления: молчать, умалчивать, замалчивать.

1. Молчание.

И сейчас в юридической практике используется право осужденного на молчание. Герой произведения Набокова «Приглашение на казнь» Цинцинат это право использовал.

– По закону, – твердо повторил м-сье Пьер, обращаясь к Цинцинату, предоставляется слово вам ... Последовало молчание. Адвокат писал так быстро, что больно было глазам от мелькания его карандаша. – Я подожду одну полную минуту, – сказал м-сье Пьер, положив перед собой на стол толстые часики. Адвокат порывисто вздохнул; начал складывать густо исписанные листы. Минута прошла. – Заседание окончено, – сказал м-сье Пьер, – идемте, господа (Приглашение на казнь, с. 103).

2. Умалчивание.

Умалчивание – недосказанность, частичный пропуск информации.

Умалчивание у Набокова различное.

Есть недосказанность, которая легко восстанавливается из контекста, то есть преднамеренная недоговоренность до конца: *И все-таки я люблю тебя. Я тебя безысходно люблю, непоправимо. Покуда в тех садах будут дубы, я буду тебя ...* (Приглашение на казнь, с.36). Графически она выражается у писателя многоточием.

«Дайте мне одну из ваших», – сказал Смуров. «Пожалуйста», – сказал Мухин. «Ах, у вас всего одна осталась», – сказал Смуров. «Берите, берите, – сказал Мухин. – У меня еще есть в пальто». «Английские всегда пахнут медом», – сказал Смуров. «Или черносливом», – сказал Мухин (Соглядатай, с. 321).

Здесь мы также наблюдаем контекстуальную недосказанность. В диалоге речь идет о сигаретах (ситуации «Просьба», «Согласие», «Похвала»). Но предмет диалога не называется. О нем известно из контекста.

Встречается молчание – намеренное сокрытие частичной информации (вид умалчивания). И это право адвоката и обвинителя: *– Вот я хочу вас спросить: на чем основан отказ сообщить мне точную дату казни? Погодите, – я еще не кончил. Так называемый директор отлынивает от прямого ответа, ссылается на то, что ... Погодите же! Я хочу знать, во-первых, от кого зависит назначение даты. Я хочу знать, во-вторых, как добиться толку от этого учреждения, или лица, или собрания лиц...*

Адвокат, который только что порывался говорить, теперь почему-то молчал. Его красное лицо с ... бровями и с длинной заячьей губой особенно как-то двигалось ... – Давайте переменим разговор, умоляю вас, – воскликнул Роман Виссарионович (Приглашение на казнь, с. 20).

Умалчивание, как и молчание, отличается преднамеренностью, целенаправленностью, адресностью. Оно характеризует речевую деятельность адвоката у Набокова.

В другой коммуникативной ситуации в произведении В. Набокова недосказанность, неполная информация о героине рассказа, что подчеркивает авторская ремарка, выражает сочувствие, намеренное умалчивание о состоянии дел, бедности и безразличном отношении к себе женщины:

Это была теперь все та же красавица с очаровательным разрезом широко расставленных глаз и той редчайшей линией губ, в который как бы уже заключена вся геометрия улыбки. Но волосы потеряли лоск, были плохо подстрижены, черному костюму пошел четвертый год, руки с блестящими, но неряшливыми ногтями были в выпуклых жилах и от нервности, от хулиганского курения, – и лучше умолчать о состоянии чулок (Красавица, с. 427).

3. Замалчивание.

Замалчивание – это полное утаивание информации. В рассказе В. Набокова «Уста к устам» редактор скрывает от автора романа полную его бездарность, нежелание опубликовать его произведение. Редактор не дает никакой информации о качестве романа, чтобы не обидеть автора – богатого человека, их спонсора: *Тихий голос первого: – Конец я написал одним порывом. Он умирает, да, умирает...*

Молчание ... Евфратский блеснул зажигалкой, выпустил дым из ноздрей и сказал: – А почему бы вам, Илья Борисович, до выхода романа отдельным изданием не пропустить его через журнал? (Уста к устам, с. 430).

Еще один пример замалчивания: *«Кто же этот человек?» – спросил Вайнисток.*

Ответ медлил ...

«Я прошу тебя, Азеф, скажи нам, кто этот человек?» (Соглядатай, с. 322).

Такая богатая языковая фиксация молчаливого поведения героев Набокова позволяет выделить отдельные коммуникативные стратегии – стратегию молчания, стратегию умалчивания и стратегию замалчивания.

Литература

1. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева. – М.: РАН, Институт лингвист. исследования, 1999.
2. Арутюнова, Н. Д. Молчание : в контексте употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994.
3. Меликян, С. В. Молчание в русском общении / С. В. Меликян // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000.
4. Семенова, Г. Н. Когда молчание перестает быть золотом (сопоставительный анализ испанских и русских фразеологизмов) / Г. Н. Семенова // Сб. : 4. Русский язык и литература в пространстве мировой культуры (г. Гранада, Испания, 19-20 сентября 2015г.) : материалы XIII конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. – Т. 9. – СПб., 2015.
5. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков. – М., 1990. – Т. 2 : Защита Лужина, Подвиг, Соглядатай.
6. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков. – М., 1990. – Т. 4 : Приглашение на казнь, Другие берега, Весна в Фиальте.